

огня, небесного или подземного. Это поклонение огню от персов заимствовали сииды, переселившиеся из Ирана на юг Боспора.

Астара, здесь олицетворяющая богиню подземного царства, подруга Санерга, прошла такую же длинную эволюцию поклонения — из Финикии в Мидию и в Каппадокию, а из Понта на Боспор. Эта богиня объединяла в себе много древних шумерийских богинь и потому в различных местностях трактовалась по-разному и имела различные атрибуты. Дюбуа характеризует ее так: «Астара — это восточная Венера, властительница ночи, творенья и подземного царства...» Кёлер и Латышев в противовес Дюбуа скорее готовы признать эти два божества небесными — солнцем и луной. Не отрицая того, что в прежней своей эволюции эти божества неоднократно служили олицетворением небесных светил, я думаю, что здесь они скорее могут быть трактованы как подземные. Все эти многочисленные выводы относительно Астары вкратце можно объединить словами Толстого и Кондакова¹: «Во втором имени видят богиню Астарту, — азиатское божество, соответствующее отчасти Афродите, отчасти Артемиде как богине Луны, почему Санерг мог быть богом Солнца...»

С Артемидой Астарту в данном случае отождествлять никак нельзя, потому что тут же рядом, на горе Бориса и Глеба, в том же веке, в царствование того же Персида был воздвигнут ей отдельный храм, причем она ясно именуется Артемидой Агротерой.

Отождествление Астары с Афродитой, мне кажется, еще более невозможным: культ Афродиты издревле был распространен на Боспоре, до нас дошло много почитательных надписей с ее именем, — несколько и от IV в. до н. э., — почему же в этой единственной надписи она именуется Астарой?

Так как этимология слова Астара обозначает светило или какую-нибудь звезду, а на монетах мы видим изображение Астары и сбоку от нее звезду (луна с ее спутницей Венерой), то отсюда может быть сделан прямой вывод, что Астара здесь — богиня луны; но это несколько не исключает того, что Астара вместе с тем и богиня подземного царства. Если считают, что Санерг олицетворяет собой разрушительную силу как небесного, так и подземного огня, то точно так же и женское божество с олицетворением небесного света может олицетворять собой и свет подземный. В данном случае сама природа, окружающая памятник и вдохновившая создать его, должна служить опорой в наших выводах.

Здесь — на горе Бориса и Глеба — главный колорит днем: огненное солнце и подземный огонь, заставляющий тяжелым жаром дышать землю. Несмотря на то, что этот дышащий огонь умеряется влажностью воды и ветров, создается такое впечатление, что ему тяжело в земле и он стремится вырваться наружу.

Этот подземный огонь, даже и без всякого извержения, не мог не затронуть суверенной впечатлительности населения и не отразиться в его верованиях. Первое же извержение должно было повлечь за собой умиловительную жертву, что и последовало в виде поставленного памятника. Первое же извержение и послужило причиной упоминания на каменном пьедестале имен подземных божеств.

Стихии подземного и небесного огня, в примитивном воображении, казались трудно отделимыми друг от друга и могли считаться функциями одного божества.

Н. П. Розанова

КИЗИКСКИЕ СТАТЕРЫ НА БОСПОРЕ

Летом 1948 г. при раскопках Пантикапея Керченской археологической экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР и Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина была сделана интересная нумизматическая находка².

¹ Толстой и Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, т. I.

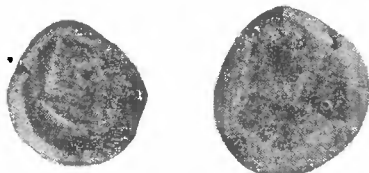
² Автор выражает глубокую признательность руководителю экспедиции В. Д. Блаватскому за любезное разрешение опубликовать найденную монету.

Публикуемая монета принадлежит к числу электровых статов г. Кизика, так называемых кизикинов, игравших очень заметную роль в денежном обращении провинциальных стран в классическую эпоху.

Ав.: голова вепря влево; обрез шеи оформлен жемчужником; справа тунец, обращенный головой вверх и несколько вправо.

Рв.: обычный *quadratum incusum*, разделенный на 4 части (так наз. чертеж «крылев ветряной мельницы»).

Вес — 16,09 г.

Кизикский статар; avers и revers монеты

Интерес этой находки заключается прежде всего в новом типе лицевой стороны. До сих пор кизикины с таким типом аверса не встречались, и в этом отношении найденный в Пантикапее статар является уникальным. По композиции типа и стилистическим особенностям найденный статар ближе всего к известному статеру с изображением головы козла. Ряд мелких деталей (трактовка волос, положение тунца, жемчужник у обреза шеи) на рассматриваемых монетах полностью совпадает. Анализ фактуры оборотной стороны пантикапейского кизикина заставляет отнести его ко второй хронологической группе кизикских статов (по Фритце) и даже точнее, к ранней стадии (подгруппа «а») этой группы, что вытекает из наличия на реверсе перекрестья, выполненного сравнительно широкими перегородками. Тип лицевой стороны не противоречит этой относительной хронологии. Именно во второй группе кизикских статов резко преобладают «звериные типы», среди которых встречается и изображение вепря. К этой же II-а группе относится и упомянутый статар с головой козла. Вторая группа кизикинов датируется 550—475 гг. до н. э.; хронологические границы подгруппы «а» не поддаются точному определению, но, несомненно, выпуск ее падает на первую половину этого промежуточного времени. Таким образом, вновь найденный кизикин должен быть датирован второй половиной VI в. до н. э., причем скорее третьей, а не последней четвертью этого столетия.

Находка кизикского статера на Боспоре не является случайной. Кизикины встречались в этом районе и раньше, как отдельными монетами, так и целыми кладами¹.

Находки эти объясняются той ролью, которую играли кизикины на боспорском денежном рынке; являясь международным средством обращения особенно в области Понта Эвксинского, они выполняли и на Боспоре функции интерлокальной монеты, применявшейся для всяких расчетов с иноземными купцами. Об этом говорят не только неоднократные находки кизикинов на Боспоре, но и прямое свидетельство Демосфена (XXXIV, 23) и некоторые косвенные данные, например, заимствование кизикских монетных типов боспорскими монетариями и торевтами.

К сожалению, мы не имеем никаких прямых свидетельств того, что кизикины имели хождение на Боспоре ранее IV в. до н. э. Оба найденные на Боспоре клада, включающие в себе кизикины, относятся уже к IV в., так же как и замечание Демосфена. Находки, подобные публикуемой, отдельных кизикинов V и даже VI в. сами по себе еще не могут служить доказательством распространения здесь кизикских статов в столь раннюю эпоху, поскольку неоднократные находки в одном кладе кизикинов

¹ А. А ш и к, Боспорское царство, Одесса, 1848/49, ч. II, стр. 18; ч. III, табл., рис. 11—14; К. К. Г е р ц, Археологическая топография Таманского полуострова, М., 1870, стр. 45—46; ОАК, 1912, стр. 39.

самых различных хронологических групп говорят об очень длительном обращении выпущенной в свет монеты.

Однако несмотря на отсутствие прямых свидетельств, мы можем с очень большой долей вероятности утверждать, что кизикские статеры уже в V в. (а может быть, и в конце VI в.) играли значительную роль в денежном обращении на Боспоре. За это говорит целый ряд косвенных данных и прежде всего то обстоятельство, что Боспор, уже в эту эпоху ведущий оживленную и широкую торговлю с другими античными центрами, не мог обходиться без интерлокальной монеты. Между тем собственное серебро боспорских городов V в. выпускалось только в мелких номиналах¹ и не могло, конечно, иметь какого-нибудь значения при торговых сделках с греческими купцами: вся эта чеканка имела чисто местный характер. В пользу раннего распространения кизикинов на Боспоре говорит и заимствование уже в V в. кизикского типа синдама. На одной из серий синдских монет лицевым типом служит изображение нагого воина, опустившегося на правое колено и рассматривающего лук, который он держит в руках². Еще Орешников заметил, что фигура этого воина заимствована с одного из кизикских статеров³. Эта серия, как и вся чеканка синдов, датируется последней четвертью V в., что заставляет предположить знакомство синдов с кизикинами уже в это время.

Гораздо больше данных имеем мы об обращении кизикских статеров на Боспоре в IV в. до н. э. Боспорская держава по обороту внешней торговли занимала в это время, несомненно, одно из первых мест среди греческих государств, и потребность в интерлокальных средствах обмена при таких условиях, естественно, должна была быть здесь весьма велика. Золотые пантикапейские статеры, выпуск которых начался, по справедливому предположению А. Н. Зографа⁴, в 70-х гг. IV в. и продолжался до конца столетия, и были призваны удовлетворять эту потребность внешней торговли. В то же время их выпуск являлся свидетельством возросшей экономической мощи и процветания Боспорского государства. Но, наряду с этой собственной золотой монетой, на Боспоре продолжало обращаться и иностранное золото. Среди международных денег, имевших здесь хождение в IV в., главная роль принадлежит тем же электровым кизикинам. В V в. они были, видимо, единственной иностранной монетой, имевшей хождение на Боспоре; то же положение сохранялось и всю первую половину IV в. В третьей четверти IV в. на Боспоре появляются статеры Филиппа II Македонского, но кизикины все же сохраняют свое значение, как о том свидетельствуют наши источники, большинство которых относится именно к этой эпохе.

Около 327 г. Демосфен произнес свою речь против Формиона, в которой утверждал, что кизикины ходили тогда на Боспоре по цене 28 аттических драхм за штуку (XXXIV, 23). К тому же времени принадлежит и так называемый Пуленцовский клад, найденный в Тамани⁵ в 1846 г. и насчитывавший большое число золотых монет, из которых сохранилось только 17 золотых статеров Пантикапея и 4 кизикина; хотя кизикины, находившиеся в этом кладе, должны быть датированы V, а один из них, может быть, даже VI в. до н. э., но 30-е гг. IV в. устанавливаются совершенно твер-

¹ См. А. Л. Бертье-Делагард, Материалы для весовых исследований, «Нумизм. сборник», II, 1913, стр. 72 сл.

² П. О. Бурачков, Общий каталог монет, Одесса, 1884, табл. XXIII, 5.

³ А. В. Орешников, Этюды по нумизматике Черноморского побережья, ИРАИМК, II, 1925, стр. 123—124.

⁴ А. Н. Зограф, Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг., МИА, IV, 1941, стр. 159, прим. 1

⁵ В западной литературе почему-то утвердилось неправильное представление, будто бы Пуленцовский клад был найден около Керчи в Крыму (см. Но е, Bibliography of Greek coin hoards, NNM, № 25 (1922), стр. 107—108; ZfN, 1931, стр. 24), хотя история поисков и обстоятельства находки клада очень хорошо известны; см. К. К. Герц, Исторический обзор археол. исследований и открытий на Таманском полуострове, М., 1876, стр. 34—35.

до в качестве *terminus post quem* для зарытия клада, благодаря наличию в нем золотых пантикапейских статов III серии (выпуск этих статов датируется достаточно точно находкой их в кладе из Принкипо). Труднее определить время другого клада — из окрестностей Керчи, содержание которого осталось нам неизвестным, за исключением 4 кизикинов, случайно избежавших участи остальных монет клада — расхищения и переплавки¹. Во всяком случае клад этот должен быть датирован IV в. Видимо, еще об одном кладе из Тамани, также содержащем кизикины, идет речь в письменном сообщении Е. Е. Люденко, приводимом Герцем², и хотя упоминание о находке настолько глухо и неясно, что ничего определенного о ней сказать нельзя, но уже самый факт находки на Боспоре трех кладов, в состав которых входили кизикины, в высшей степени показателен для оценки значения этой монеты в денежном обращении Боспора.

Помимо кладов, на Боспоре встречались и отдельные кизикины. Гринвилл упоминает о находках кизикинов в «многочисленных и богатых гробницах Боспора»³, но нам неизвестно ни одной такой находки, и мы решительно не знаем, откуда почерпнул Гринвилл свою информацию. Скорее всего это просто ошибка английского ученого, плохо знакомого с условиями находок кизикинов на Боспоре (показательно, что и монеты вышеупомянутого керченского клада Гринвилл считает отдельными находками). Наоборот, наблюдается как раз обратное явление: кизикины никогда не встречаются в погребениях, в отличие от золотых статов Александра Македонского, сменивших их на боспорском денежном рынке, которые все найдены в богатых курганах⁴. Объясняется это, вероятно, тем, что обычай класть с покойником в могилу монеты распространился на Боспоре уже в последней четверти IV в.: медные пантикапейские монеты двух последних серий IV в. постоянно встречаются в могилах, в то время как более ранние автономные монеты Пантикапея никогда в погребениях не попадают. Полное отсутствие кизикинов среди могильных инвентарей является косвенным указанием на исчезновение их из обращения в последней четверти IV в.

Широкое распространение кизикских статов в Северном Причерноморье вообще и на Боспоре в частности привело к тому любопытному факту, что в эту область совершенно не проникало афинское серебро, являвшееся таким же международным средством обращения, как и сами кизикины. Общеизвестно, что основным торговым контрагентом Боспорской державы в IV в. были Афины. Тем более удивительным является полное отсутствие находок афинских монет на Боспоре и вообще в Северном Причерноморье, отмечавшееся еще Бурачковым⁵ и совсем недавно Зографом⁶.

Единственным упоминанием аттической монеты в связи с Боспором, которое можно было бы привлечь к вопросу об обращении здесь афинских денег, является указанное уже место из речи Демосфена против Формиона; но коль скоро археологические находки никак не подтверждают самого факта обращения на Боспоре аттических драхм, остаются две возможности: либо количество афинских монет, попадавших в обращение в Северное Причерноморье, было очень невелико, и монеты эти случайно до нас не дошли, либо ἀρχαία Ἀττικαί Демосфена не являлись реальной монетой, а были лишь теоретически приравнены им к стоимости кизикина. Первое предположение очень маловероятно: учитывая размеры торгового оборота между Боспором и

¹ А. Ашик, ук. соч., ч. III, дополнит. таблица, рис. 11—14; стр. 93—94; ДБК, II, стр. 154.

² «Древности», II, стр. 235—236.

³ Greenwell, The electrum coinage of Syzicus, Num. Chr., 1887, стр. 41.

⁴ А. Н. Зограф, Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок, «Труды Отдела истории искусства античного мира Гос. Эрмитажа», I, 1945.

⁵ Бурачков, ук. соч., стр. 8.

⁶ А. Н. Зограф, Находки античных монет на Кавказе, «Труды Отд. нумизматики Гос. Эрмитажа», I, 1945, стр. 39.

Афинами в IV в. и безусловно активный для Боспора баланс этой торговли¹, следует признать, что, если бы аттические деньги имели хождение на Боспоре, они должны были бы попадать туда в очень большом количестве и, конечно, были бы неоднократно найдены у нас на юге. Гораздо правдоподобнее второе предположение, поскольку оно не противоречит ни данным археологии, ни самому смыслу речи Демосфена. Действительно, для Демосфена было совершенно безразлично, имелись ли на Боспоре реальные аттические драхмы, ему была важна, выражаясь современным языком, котировка кизикина в определенный момент, выраженная в аттических драхмах, так как именно в этой монете был произведен заем. Ему не стоило большого труда приравнять кизикин к определенному числу драхм, пользуясь для этого хотя бы сравнительным курсом кизикина и пантикапейского серебра. Таким образом, приходится признать, что сколько-нибудь заметного проникновения афинской монеты в Северное Причерноморье, в том числе и на Боспор, в IV в. не наблюдается.

Это странное на первый взгляд явление может быть объяснено, как нам кажется, только одним обстоятельством: господствующим положением, которое занимали на боспорском и вообще черноморском рынке кизикины. Эти последние были до известной степени специфически понтийской монетой: из 11 известных кладов кизикинов 6 (а может быть, и 7, так как клад из Малой Азии, скорее всего, происходит тоже с черноморского побережья) найдены на берегах Понта². В Малой Азии кизикины обращались исключительно в припонтийских областях, как то видно из Анабазиса Ксенофонта: само положение Кизика при выходе из Черного моря делало его очень заметной величиной в понтийской торговле. При этом распространение кизикинов в Причерноморье и их утверждение на причерноморских денежных рынках произошло гораздо раньше, чем Афины достигли сколько-нибудь заметного влияния в этих областях. И когда в конце V и в IV в. афинская торговля стала превалирующей силой в экономической жизни Северного Причерноморья, Афины не смогли или не сочли нужным вытеснить с причерноморских рынков кизикскую электровую монету и заменять ее своими тетрадрахмами. Они пошли по иному пути: они подчинили себе Кизик и превратили кизикский монетный двор в нечто вроде филиала собственного монетного двора. Несомненно, только покровительство Афин позволило Кизику сохранить за своей монетой исключительное положение в денежном обращении Северного Причерноморья, которое удерживается Кизикум в течение трех первых четвертей IV в. Даже начало чеканки золотых статеров Филиппом II не смогло поколебать этого положения.

Нам известен только один золотой статар Филиппа II, происходящий с собственно боспорской территории³, но можно думать, что статары этого царя имели хождение на Боспоре. По крайней мере, у Г. Спасского есть упоминание о находках в керченских и фанагорийских гробницах монет «македонских царей»⁴. Речь идет, таким образом, по крайней мере о двух царях, а помимо монет Александра Македонского, скорее всего можно ожидать находок статеров его отца. Косвенным свидетельством в пользу этого предположения может служить тот факт, что и в Ольвии статары Филиппа были известны очень хорошо⁵. Во всяком случае кизикины продолжают играть значительную роль в денежном обращении на Боспоре еще в 30-х гг. IV в., что явствует из речи Демосфена и из находок их в Пуленцовском кладе. Вероятно, 30-е гг. и являются време-

¹ Ср. А. Л. Бертъе-Делагард, Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене, «Нумизм. сборник», I, 1911, стр. 7—8.

² Regling, Der griechische Goldschatz von Prinkipo, ZfN, 1931, стр. 24 сл.: Реглинг перечисляет 10 кладов; ему остался неизвестным клад из Тамани, упоминаемый в сообщении Люценко у Герца, «Древности» II, стр. 235—236.

³ МАР, XXXV, 1915, стр. 107.

⁴ Г. Спасский, Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями, М., 1846, стр. 134.

⁵ ОАК, 1908, стр. 80; 1909—1910, стр. 100; ср. «Ольвия», I, Киев, 1941, стр. 217—218.

нем последних успехов кизикинов на Боспорском рынке. В следующем десятилетии на Боспоре появляются статеры Александра Великого, начало чеканки которых произвело огромные изменения в различных областях денежного рынка античного мира. Одним из последствий этой чеканки было исчезновение кизикских электровых статеров из денежного обращения, в том числе и из обращения на Боспоре.

Д. Б. Шелов

АМФОРНЫЕ РУЧКИ ИЗ РАСКОПОК 1946 г. В ХЕРСОНЕСЕ

При раскопках Гос. исторического музея в Херсонесе в 1946 г. было найдено всего шесть клейменных амфорных ручек. Столь небольшое число объясняется тем, что раскапывались поздние слои города, преимущественно раннесредневековые и средневековые.

1) У стены № 4 было найдено клеймо херсонесской амфоры с надписью

ΗΡΟΚΡΑΤ[Ε]
ΟΞΑΣΤΥΝ[Ο]
[Μ]ΟΥ

Ἡροκράτ[ε]
ος Ὄστων[ό]
[μ]ου

Рис. 1. Херсонесское клеймо с именем Герократа

Это имя встречается у Е. М. Придicka в «Ивентарном каталоге клейм Эрмитажного собрания», по вместе с именем Νεομήτιος (стр. 89, № 576—577). С этим же именем мы находим его и у Махова. («Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов». ИТУАК, 1912, № 48). Такое же клеймо издано и у Юргевича (ЗОО, XV, № 16, стр. 51). Встречается точно такое же клеймо и на черепицах (Р. Ахмеров. Клейменные черепицы древнегреческого Херсонеса, ВДИ, 1948, № 1, стр. 163). Как и все клейма херсонесской группы, это клеймо может быть датировано IV—II вв. до н. э.

2) Второе клеймо херсонесской группы найдено на площади между стеной № 5 и большими камнями (рис. 2):

[ΔΑΜ]ΑΤΡΙ[ΟΥ]
[ΑΣ]ΤΥΝΟΜ..

[Δαμ]ατρί[ου]
[Ἄσ]τωνομ..

Имя это встречается у Махова (там же, стр. 177), но там оно является patronimikon к Ὀνάσιμος.

Данное клеймо тоже датируется IV—II вв. до н. э.